

Андрей РАСТОРГУЕВ

РЯБИНОВАЯ ЗАСАДА

Андрей Петрович Расторгуев родился в 1964 году в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет и Российскую Академию государственной службы при Президенте России в Москве. Кандидат исторических наук. Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах, участник ряда антологий. Лауреат Государственной премии Республики Коми, литературной премии имени Бажова и ряда других литературных наград. Живёт в Екатеринбурге.

***

Май начался, но сад ещё
прозрачен.
Соцветиями только обозначен
едва фруктово-ягодный приплод.
Они ещё зажаты кулаками,
хоть небо не прикрыто
облаками —
мол, погоди, посмотрим,
как пойдёт.
И если милосердная природа
благоволит желанию народа,
тот и на небо искоса глядит,
исполненное вечного подвоха:
отлично лишку, хватит
и неплохо...
И время по черёмухе следит.

ЛЕТНИЕ ПОБУДКИ

I

Сегодня ветрено и смутно,
но я застал на полчаса,
когда живой водою утра
бурлили птичьи голоса.

А ты занежилась в постели
на свежавыглаженном льне
и трели утренние еле,
конечно, слышала во сне.

Но вот ещё залопотали
среди листвы наперебой!..
Наверно, тоже хлопотали
до самой полночи с тобой.

II

Ночь темна, но ещё не долга —
колеёю летит неглубокой.
Просыпайся — и мы творога
поедим с одичалой клубникой.

У соседа посадки — гляди,
а у нас обиход без натуги.
По осенней поре впереди
нас не очень утешат итоги.

Поленился полить-прополоть —
не досадуй, что плода не вышло...
За клубникой упругую плоть
набирают малина и вишня.

III

Что пало со вчерашнею грозой,
сегодня стало утренней росой:
потянешься за ягодой — льётся.
Исчезни водоводная вода —
сумеет без особого труда
омыться из небесного колодца.

Но солнце поднимается —
проснись,
новорождённым телом окунись
в дымящую волокнами тумана
вишнёвую, малиновую ли...
А если в ней купаются шмели,
она ещё наверняка медвяна.

IV

Балованный пёс ослабляет
прикус,
запястье хозяйское в пасть беря.
Проснёшься — почувствуешь
лёгкий привкус
ещё далёкого сентября.
Оса копошится в арбузной ране,
в бутон вгрызается муравей...

Ещё набухает в дремотной рани
зародыш осени моровой.
Ещё рассеянные приметы
таит беременная вода...
Ещё есть время добавить мяты
в ещё беззубые холода.

***

Да всякий ли шляхтич из
вышедших ныне на торный шлях?
Лукавое эхо в Анголу заманит
его или в Англию?
Надолго ли наживо выстоят
на земляных полях
комментарии наши
глубокомысленные к Евангелию?
Не здесь и сейчас, но в иной
равнозначный час,
когда отдалится земля
обглоданными берегами,
найдётся ли тот, кто положит
пускай не на музыку нас —
хотя бы на доску, хребет
переломанный оберегая?

Положит, да с переключиной —
крест-накрест или глаголь:
на выбор, мол, рассчитайся
на журавель-синица —
пой или насвистывай, гугли
или глаголь...

У этой развилки спокойно
        можно остановиться.
Да всякий себя вопрошает,
        зачем живём —
от заморозка нутро ни водка
        не упасёт, ни наглость...
Как временные подпорки небу
        мы ходим или плывём
наощупь сквозь морока́
        на живой человеческий голос.

***

Где на обе стороны земли
по степи распластаны коренья,
гнезда родовые заросли
одичалой вишней и сиренью.
Поднялся над мамой карагач
на затравенелом перегное...

— Не пугайся, маленький,
        не плачь —
это дело вечное, земное.
Зарастает — значит приняла.
Принята — не значит
        неподвижна...

Долго на ладони тяжела
мимоходом сорванная вишня.

***

Догнала духота:
утром лёгкое солнце сияло,
а к полудню осела
тяжёлая смутная мгла...
Для глубокого вдоха
и раньше едва доставало.
Уходил от неё,
а она, погляди — догнала.

Небо тянет из-за горизонта
железное покрывало.

Громыкает железо
на чёрной его пахоте́ —
жди, когда полоснёт
по земной горловой духоте,
как ещё ни однажды
наотмашь не полосовало.

***

Был — имя рек,
        а станешь — имярек,
в летучий снег войдя летучим
        пеплом...

Двадцатый год добил
        двадцатый век —
остались те, кто выжил
        в двадцать первом.

Носители ославленных идей,
любители блуждающих огней,
хранители целительного слова,
упёртые ценители теней
и облаков небесного улова,
спасатели ветшающих корней —
но и оберегатели живого...

Пока растёт — мы не наперечёт,
хоть и по нашей очереди тоже
часы, как счётчик Гейгера, стучат,
частицы жизни малые итожа.

***

До настоящего романа
собой, увы, не доходя,
жизнь, точно повесть графомана,
оскальзывается, хотя,
когда, как юноша бездомный,
оказываешься в былом,
открыв бездомный многотомный
картонный или электронный
фотографический альбом,
где, оживая — помяните,
во испытание уму

кровят оборванные нити,
собравшиеся в бахрому, —
от созерцания светлеешь,
как будто заново прочёл,
и ни о чём не сожалеешь,
не забывая ни о чём.

***

Худородный, да не яловый
наш садово-добычный.
Вышел год плодово-ягодный,
наступает овощной —
зацепляются не абы как
живородные круги...

По друзьям раздали яблоки,
замесили в пироги.
Ни компота, ни варения —
в доме не заведено...
Виноград бы зрел — наверное,
вышло б знатное вино:
кинозвёздам в подражание
по бутылочным бокам
поминали б урожайное
лето мы по кабакам...

Всё одно в летучем времени
сотворается молва:

сколько, погляди, беременных
накануне Рождества!

***

Нам яблочный Спас ничего
не припас —
он яблоням не указ.
А яблони плодоносят через раз —
значит, на этот раз
быть радости не у нас...

Но есть на отлёте сада
рябиновая засада —
неспелым ещё огнём
подобная яблоням,
исправно растит плоды
из воздуха и воды,
и сходятся в кулачки
оранжевые яблочки.
Поодаль ещё одна —
она вообще черна.
Но смирно и не спесиво
за всё говорим спасибо...

А в яблочные года —
инаковая беда:
когда золотой ранет
повалится — спасу нет!

